

АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ

ЦИНЬЕН— ПОРА ЦВЕТЕНИЯ

Роман

МИНСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»

2025

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бен=Рус)6-44
С28

Серия основана в 2024 году

Сегень, А. Ю.

С28 Циньен — пора цветения : роман / Александр Сегень. — Минск :
Четыре четверти, 2025. — 252 с. — (Серия «Современная проза»).

ISBN 978-985-581-770-4.

В Елизавету, дочь русского эмигранта генерала Донского, бежавшую в Шанхай, спасаясь от ужасов Гражданской войны, влюбился молодой китайский коммунист Ронг Мяо, прибывший в город для участия в учредительном съезде Китайской коммунистической партии.

Перед читателем разворачивается пронзительная история любви. Ронг и Лиза вместе уезжают в Париж, где им предстоит встретиться с другими эмигрантами из России — Иваном Буниным, Алексеем Толстым, Надеждой Тэффи. По трагической случайности Лиза погибает.

Ронг сделает блестящую карьеру, станет правой рукой Мао Цзэдуна, но навсегда останется пленником памяти. «Циньен» — пора цветения, молодости, любви — станет его самой светлой и самой болезненной тайной.

УДК 821.161.1(476)-3
ББК 84(4Бен=Рус)6-44

ISBN 978-985-581-770-4

© Сегень А. Ю., 2025
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2025

— Вечной любви, господа, не бывает! Поэтому и пить за нее я не намерен, увольте, — говорил, выходя на палубу большого парохода «Речная красавица», совсем еще молодой русский офицер Самсонов, явно считающий себя хорошо пожившим и все познавшим человеком.

Обращался он со своей речью к трем другим русским офицерам, также, как и он, одетым в штатское платье — пиджаки, брюки, сорочки, галстуки, шляпы. И лишь выправка легко выдавала во всех этих людях военную косточку. Все они были изрядно навеселе, и пьянее других — Самсонов, которого заметно пошатывало.

Шесть лет назад в Петрограде, тогда еще Петербурге, он окончил Михайловское артиллерийское училище и первым делом познал горечь отступления из Брест-Литовска, потом — безуспешную Барановичскую операцию, получил ранение, валялся в госпиталях, рвался снова на фронт, но драться вскоре пришлось уже не с немцами, а со своими. Шел с Корниловым на Петроград, после победы большевиков осенью 1917 года отказался выступить на защиту Временного правительства, бежал в Гельсингфорс, вступил в армию Юденича, кормил вшей в эстонских бараках, а после неудачного нового похода на Петроград решил искать военного счастья за Уралом и попал к Колчаку в то самое время, когда того уже били и гнали вглубь Сибири. Принял участие в Сибирском Ледяном походе, оставившем на его щеках темные следы обморожений, а после гибели Колчака вместе с остатками его армии отступал до самой Манчжурии.

И вот теперь он плыл по главной китайской реке на пароходе и, пьяный, рассуждал о природе любви:

— Имел, господа, практические занятия. Сначала мы горим и пылаем, кричим, что, наконец-то, идеал найден, но — месяц, другой, от силы третий — и мы уже зеваем и шепчем себе под нос: «Будь проклята эта любовь!» Далее — пошлое однообразие очередного расставания, слезы, слюни... Короче, так.

Четверо китайцев разного возраста, также одетых в европейские костюмы, недорогие, но опрятные, разных оттенков серого, с неприязнью покосились на пьяных русских, но пока ничего о них не сказали, охваченные лирическим настроением, вызванным красотами природы, распахнувшимися перед ними в это прекрасное июльское утро.

«Речная красавица» своей белоснежной грудью величественно рассекала волны реки Янцзы в ее широком течении на полпути между Нанкином и Шанхаем. И что там какие-то пьяные русские иммигранты — слишком большая честь обращать на них свое внимание, устремленное к возвышенному. Дул ветер, по реке ребрами бежали волны.

Самый старший, сорокапятилетний Хэ Шухэн, выделялся среди своих товарищей пышными усами, и прозвище у него было Усатый. Он изображал из себя солидного профессора, при котором путешествовали ассистент и двое студентов, один — младшего курса, другой — самого старшего.

— Стихотворец! Прочти что-нибудь из своих стихов под стать мгновению, — обратился Усатый к «ассистенту», который давно уже слыл хорошим поэтом.

Двадцатисемилетний сочинитель выделялся среди своих спутников гордой осанкой и высоким ростом — под метр восемьдесят, тогда как другие были чуть выше метра семидесяти. Его звали Мао Цзэдун, что означало — «тот, кто благодетельствует Восток», а если совсем чуть-чуть изменить иероглиф «дун», то будет не «Восток», а более глобально — «всех живущих».

Выпрямившись во весь рост, Мао в свойственной ему поющей манере прочитал-пропел одно из лучших своих стихотворений:

Хоть ветер дует и волны пошли,
Сень сада на суше меня не влечёт...
Конфуций сказал: «Всё в мире течёт»,
Как струи реки этой вечно текли.

— Красиво! — восхитился Ронг, по фамилии Мяо и по прозвищу Тигрёнок, что по-китайски — Сяо Лаоху. — Только я бы по-другому сочинил: «чтоб струи любви в жизни вечно текли».

Мин Ли, знаток Конфуция и носивший среди товарищей прозвище Конфуций, хлопнул Ронга по плечу:

— Что ты понимаешь в стихах, малыш!

Мин был на целых два года старше Тигрёнка. Тому двадцать один, этому — двадцать три.

— Нет, он прав, так тоже хорошо. Струи любви... — защитил Мяо Ронга поэт.

— Тоскуешь по своей Зорюшке? — спросил поэта Усатый.

— Закончим наши дела в Шанхае — с нетерпением полечу к ней, — решительно ответил Мао.

— А как же твоя первая законная жена? — спросил Мин.

— Не говори мне о Ло! — поморщился Мао, с отвращением вспоминая, как, когда ему исполнилось четырнадцать лет, отец решил женить его на троюродной сестре по имени Ло Игу. В день свадьбы жених попросту сбежал из родного дома и полгода жил в Шаошани у одного своего знакомого студента. — Я никогда не любил ее. Родители заставили. Конечно, многие скажут, что сейчас, после смерти отца и матери, я обязан уважать их волю... Но теперь не те времена, чтобы жить с нелюбимой ради уважения к усопшим родителям!

— Хочешь сказать, что любовь выше, чем уважение к отцу и матери? — спросил Ронг.

— Любовь выше всего, выше неба, — ответил поэт и, задумавшись, добавил: — Или она и есть небо.

Тем временем четверо русских, стоявшие неподалеку от четырех китайцев, тоже поддались лирическому настроению.

— Чем вам не Волга, господа! — воскликнул пьяный Самонов.

Двадцатисемилетний Арнольд Гроссе, племянник Виктора Фёдоровича Гроссе — генерального консула Российской империи в Шанхае, самый трезвый из всех четверых, красивым голосом пропел:

— Волга, Волга, мать родная, Волга — русская река...

— Штабс-капитан Гроссе, а то же самое по-немецки можете? — спросил его тридцатипятилетний полковник Борис Трубецкой, приходявшийся Арнольду троюродным братом.

В своей компании он выглядел наиболее подтянуто, был чисто выбрит, причесан. Изящно посеребренные виски придавали его внешнему лоску особый шик.

— Да запросто! — ответил штабс-капитан и не менее красиво пропел: — *Volga, Wolga, Mutter Wolga, Wolga — unser russischer Fluss...*

— Вот ведь этот наш русский фольклор, — поморщился Трубецкой. — Самая любимая в народе песня — и о ком, господа? О лютом разбойнике Стеньке Разине, который по существу был пират, убийца, грабитель. Астраханского епископа живьем сжег, когда тот отказался признать в нем царя. Хорошо ли это? Не говорит ли это о том, что народ наш в душе своей тоже разбойник, убийца и грабитель?

— Конечно, говорит! — согласился Самсонов. — Возьмите хоть меня, к примеру. Я чистой воды разбойник и плут и ни от кого не скрываю, что я такой.

— И что вы, княжну тоже бы? — спросил Гроссе.

— Запросто! Где там княжна? Эй! Подайте княжну! — Самсонов стал оглядываться, будто в поисках официанта, призванного принести ему персидскую красавицу на подносе. — Не видала такого подарка эта желтая река.

— Нет, княжну жалко, — сухо засмеялся Трубецкой. — Она, поди, была хорошенькая. А этот варвар...

Все как-то разом притихли, глядя на проплывающие мимо берега с муравейниками бедных селений, с многочисленными джонками, прилепленными к побережьям, а поручик Лопаткин, самый из всех грустный, промолвил:

— Волга! Никогда нам ее не видать больше!

В отличие от Трубецкого и Гроссе, он не блистал происхождением. Здесь, в Китае, его ждало, скорее всего, скудное существование, а тоска по потерянной Родине сверлила Лопаткина, как проникающее ранение.

— Невелика потеря! Чем вам Янцзы хуже? — хлопнул его по плечу Трубецкой.

— Тем, что она — Янцзы, — ответил поручик.

Все посмотрели на него, вздохнули, а Самсонов крикнул, будто ему чем-то острым ткнули под ребра:

— Довольно! Пойдемте еще кутить, господа! Я трезвею, а это уже полное свинство.

Четверо китайцев поморщились, глядя на шумную компанию иностранцев. В последнее время в Поднебесной все чаще можно было встретить выходцев из России, грустных, потерянных, злых и чаще всего — нетрезвых.

— Эти русские офицеры уже в Нанкине сели на пароход пьяными, — с укором произнес Мао.

— Как ты определил, что они офицеры? — спросил Тигрёнок.

— По выправке видно. И по поведению, — ответил поэт, всегда все точно подмечающий.

— Скоро их много будет у нас в Китае, — проворчал Усатый Хэ. — Ленин разгромил контрреволюцию по всей России. Остался последний оплот во Владивостоке.

— Но и там им долго не продержаться. Такие вот, как эти, ездят по всему Китаю, убеждают в необходимости противостоять Советской России. Только все напрасно. Их дни сочтены, — произнес свой приговор Мао.

Русские офицеры собрались было уходить, как вдруг все тот же Самсонов притормозил:

— Пойдите, господа! Гляньте-ка вон на того китаеза! — Он кивнул в сторону Усатого Хэ. — Сдается мне, я видел его среди краснопузой сволочи в боях под Читой.

— Самсонов, как ты можешь отличить одного китайца от другого? — спросил Лопаткин. — Они же все на одно лицо.

— Они, между прочим, о нас такого же мнения, — усмехнулся Трубецкой.

— А мне лично плевать на их мнение, — заявил Самсонов. — Не пойти ли посчитать зубки вон той подозрительной роте?

— Еще чего не хватало! Вам бы, подпоручик, не мешало проспаться. Завтра прибываем в Шанхай, — строго пресек полковник возможные действия драчуна.

— Нет-нет, господа! Сначала — нарезать, а уж потом — проспаться, — ответил Самсонов и, уходя с палубы парохода следом за

своими спутниками, с затяжной ненавистью посмотрел на Усатого: мол, вот только рыпнись — и я из тебя отбивную сделаю, а потом — как ту княжну.

Вскоре он уже сидел за столиком и, произнеся очередной тост за Россию, ревел:

— Выпьем чарку удалую за помин ее души!

Вечером того же дня обе компании оказались на корме «Речной красавицы» за столиками ресторана под открытым небом. Пламенел закат, приятный ветерок обдувал лица. Не совсем молодая, но все еще сказочно красивая певица в черном вечернем платье с блестками и с перьями фазана в смоляной высокой прическе пела песню, какие были в моде в Шанхае в начале XX века — некое смешение китайского и европейского эстрадного пения. Ей подыгрывал небольшой оркестр из четырех исполнителей — пианино, янцзинь, баньху и флейта.

На корме расположились шесть столиков. За одним Мао, Хэ и Мин распивали одну на всех бутылку легкого винца. За другим, уставленным бутылками и закусками, восседали важные Трубецкой и Гроссе, грустный Лопаткин и буйный Самсонов, успевший за сегодня дважды нарезать, дважды проспаться и теперь снова напивавшийся. За третьим столиком расположились две испуганного вида молодые француженки, пришпиленные к своим чашечкам кофе. Тигрёнок Мяо подсел к ним и ненавязчиво охмурял обеих. Один столик пустовал, а еще за двумя столиками сидели мужчины-китайцы в европейских костюмах. Они с особенным трепетом слушали красивую и грустную песню Лули. В отличие от мнимого профессора, на лице у которого застыло явное недовольство.

— На каком языке она поет? — спросил Усатый Хэ гневно.

— Разве не на китайском? — удивился Мин, в отличие от старшего товарища, слушающий певицу с нескрываемым восторгом.

— А по-моему, ее китайский как-то не по-китайски звучит, — возразил Усатый.

— Есть такое ощущение, — кивнул поэт Мао. — Выслуживаются перед европейцами, скоро вообще по-английски да

по-французски петь станут. Хотя нельзя не признать, что поет очень красиво.

— По-моему, так очень и очень! — воскликнул Мин.

— А эти опять нажираются! — перевел Хэ свое недовольство на русских. — Свиньи!

Иммигранты пили, давно уже забыв о тостах и о том, что надо чокаться. При этом Трубецкой пребывал отчего-то в прекрасном расположении духа, на лице у Гроссе играла ирония, Лопаткин изнывал от тоски, а Самсонов — от злости, толкавшей его под локоть — ну когда же драка?!

— Я не понимаю: это народная песня или какая? — спросил он, слушая дивную певицу.

— По-моему, просто красиво поет, а до остального мне нет дела, — сказал Трубецкой.

— По-моему, полковник, вам вообще ни до чего нет дела, — мрачно промолвил Лопаткин. — Россия летит в тартарары, а вы находите удовольствие, слушая эту...

— Эту китайскую красавицу, — зло и весело сказал Трубецкой. — Что мне за дело до России? Если ей до меня нет дела. Если она вышвырнула меня. Я обожал свое Отечество, был как никто предан ему, а оно... Начните жизнь сначала, господа белогвардейцы. Была жизнь русская, теперь будет китайская. Чем плохо?

— Конечно, когда у некоторых денег куры не клюют! — хмыкнул Самсонов.

— Подпоручик! Не стыдно? — укорил его Арнольд.

— А чего мне стыдиться? Что у меня нет таких деньжищ, как у вас? Да еще не даете мне кулаки почесать об эти азиатские морды!..

— Янцзы... — Лопаткин опрокинул очередной стаканчик. — Головой бы в эту Янцзы...

— И найти в ней «концзы», — засмеялся Трубецкой.

— Подумаешь, жена нашла себе большевичка! Не горюй, Лопаткин! — Гроссе хлопнул поручика по плечу. — Мы тебе китайночку найдем. Хочешь, с этой певичкой договоримся?

— Ну уж нет! — возмутился полковник. — На нее я глаз положил. Вам же не нравится, как она поет, а мне так очень по душе. — И Трубецкой послал певице воздушный поцелуй.

Певица из вежливости ответила ему улыбкой. Но ее глаз черным агатом сверкал в сторону молодого красавчика, непринужденно щебетавшего с француженками на их родном языке. Закончив грустную песню, певица выслушала аплодисменты и запела легкую и задиристую — о том, как молодой англичанин хочет соблазнить юную китаянку, но сам попадетсЯ в ее сети, ничего не получит, уедет в свою Англию и будет долго с тоской вспоминать ту, в которую влюбился в далеком Китае.

— Как хорошо поет эта женщина, — восхитилась одна из француженок.

— Ее зовут Лули, — сказал Ронг.

— А что означает это имя?

— Оно переводится как «влажный жасмин».

— Очень красиво! Влажный жасмин... Откуда вы так хорошо знаете французский?

— Я вырос в Париже. Мой отец — владелец ресторана на Монмартре.

— Вот как? А мы из Марселя... А на какой улице ваш ресторан?

— Прямо возле площади Тертр. Там, где недавно построили огромный собор.

— Сакре-Кёр?

— Совершенно верно. И после пресного причастия прихожане спешат в ресторан моего папаши поесть чего-нибудь повкуснее.

Француженки, будучи явно не из тех, кто рьяно причащается, весело рассмеялись. Тигрёнок тем временем незаметно от них подмигнул певице. Та мгновенно откликнулась юноше ласковой улыбкой.

В это время Мао, Хэ и Мин все вместе посмотрели на Ронга.

— Похоже, наш парижанин готов охмурить этих французских дурочек, — сказал Мао.

— И певичку в придачу, — недовольно проворчал Хэ.

— Да уж, малыш пользуется успехом у женщин, — с нескрываемой завистью произнес Мин.

— Завидуешь? — засмеялся Мао.

— Вовсе нет. Думаю, Ронг поделится со мной одной из двух.

— Ну и нравы! — возмутился Хэ.

Александр Юрьевич Сегень

Современный русский писатель, автор множества книг, из последних: «Предстоятель» (2017), «Знамя твоих побед» (2019), «За мной, читатель!» (2023), «Волшебный фонарь» (2023), «Эолова арфа» (2024), «Альпийские снега» (2025), а также статей о литературе и истории. Роман «Поп» экранизирован кинорежиссером Владимиром Хотиненко.

Родился в Москве. По деду — белорус, из рода Сегеней* — одного из известнейших в Беларуси. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького, с 1998 года руководит в нем семинаром прозы.

Член Союза писателей России. Лауреат многих литературных премий, включая Патриаршую, Бунинскую, Гончаровскую, Булгаковскую, Аксаковскую, Горьковскую и премию Правительства Москвы.

* Усадьба Сегеней (XIX в.) в д. Краски Волковысского района Гродненской области, внесенная в Государственный список материальных историко-культурных ценностей Республики Беларусь, сейчас находится в стадии реставрации.